К 60-летию Вооруженных Сил СССР

МОРСКОЕ СЕРДЦЕ

ЧЕМ старше становятся люди, тем ярче и впечатлительней им вспоминается прошлое.

Свое детство и свою молодость я помню кусками. Тогда шла война. Военное детство у всех было сиротским, и многие о нем предпочитают умалчивать. Но я хочу рассказать читателю нечто интересное, так мною и не забытое, хотя после того и прошло уже тридцать пять лет.

Сентябрьским вечером 1942 года я сидел у окна и готовил уроки. На улице шумел сильный дождь. И вдруг мое внимание было отвлечено от учебника каким-то необычным шумом и гомоном за окном. Я с удивлением увидел, как наша улица вдруг запрудилась черной массой из бушлатов и бескозырок—это шли сплошной толпой неведомо откуда взявшиеся в нашем сухопутном уральском селе моряки. Они шли, втянув от дождя в поднятые воротники бушлатов головы, надвинув до самых бровей бескозырки. У каждого за плечами вещмешок. У некоторых под полой была запрятана гитара или гармошка. Их клеши до колен заляпаны грязью...

Я был поражен. Я впервые увидел столько военных, тем более моряков. Кто они? Откуда? Куда идут?

Дождь ночью утих. Утро было ясное, солнечное, веселое. Я уже подходил к школе, когда увидел за ней пестрый от тельняшек пустырь—моряки сидели на траве и чинили, чистили от грязи свою одежду. Их было так много, что едва ли кто из нас смог бы сосчитать! А на крыльце церковного здания сидел молоденький краснофлотец и наигрывал на баяне...

Разумеется, половина мальчишек-школьников в этот день отсутствовала на школьных занятиях.

Потом мы узнали, что к нам, на Урал, прибыли для формирования специальных стрелковых бригад моряки-добровольцы с Тихого океана.

Тихоокеанские моряки оказались молодыми, веселыми, и у нас с ними быстро завязалась хорошая дружба. Они приходили к нам в школу в гости, мы ходили к ним, организовывались совместные вечера встреч, самодеятельные концерты...

Я на всю жизнь запомнил в лицо только того моряка-баяниста. Ему на вид было лет двадцать, но выглядел он совсем мальчишкой, и нам казался почти сверстником. Звали его Петя Бронштейн. Он виртуозно играл на любом музыкальном инструменте, что оказывался в его руках. По натуре веселый и жизнерадостный, общительный, прекрасный танцор и привлекательный внешне, Петя не только сразу стал кумиром мальчишек, но в него буквально влюбились девчонки всей школы...

Я был влюблен в Петю Бронштейна не меньше, чем любая наша девчонка. Я даже пытался подражать ему в манере носить бескозырку, в походке, в том, как он говорит, улыбается. Я страстно мечтал стать, как и он, моряком...

Но положение на фронте было тяжелое, враг уже был на подступах к Сталинграду, и в октябре бригада построилась на нашей сельской площади-пустыре для прощального митинга. На ее проводы собралось все село, приехало из района начальство.

Моряков теперь было трудно узнать. Они были одеты в зеленые бушлаты и солдатские гимнастерки, в солдатские шаровары и кирзовые сапоги. У каждого на груди—автомат или ручной пулемет. На головах—стальные каски. И только у всех, даже у офицеров, из растегнутого ворота гимнастерки выглядывала уголочком морская тельняшка...

Трудно сказать что-либо про других ребят, но я тогда чуть не плакал от досады и обиды, возвращаясь домой со станции. И я на всю жизнь запомнил идущего с баяном в руках в первой шеренге Петю Бронштейна. Он всю дорогу от села до станции играл, и колонна пела под его баян про «Катюшу», про трех танкистов, «Если завтра война»...

МЫ, сельские ребятишки, тогда очень завидовали морякам. Мы ведь тоже всем сердцем рвались на фронт. Нам казалось, что самое главное в жизни минует нас и на нашу долю не останется подвигов, что мы не сможем никогда уже в жизни доказать свою любовь к Родине и отдать ей все, что нужно, если будет необходимо. Мы тогда еще не понимали и не могли понять, как непросто идти человеку на подвиг и как нелегко умирать в двадцать лет!

В то время в нашем селе был организован большой военный госпиталь, и наша школа шефствовала над ним: девчонки ухаживали за эвакуированными ранеными, учились делать им перевязки. А мы читали в палатах газеты, устраивали самодеятельные концерты, помогали разгружать из вагонов на автомашины и телеги тяжелораненых, а потом разносить их по палатам. Мы писали под их диктовку письма...

Как-то месяца через четыре (а возможно, побольше), после того как мы проводили морскую бригаду на фронт, в наш госпиталь привезли офицера из этой бригады, бывшего командира батальона, тяжело раненного в грудь. И он рассказал нам о том, что бригада вступила в бой с гитлеровцами под Сталинградом, что своей морской чести она не уронила и дралась мужественно, геройски, встав на пути врага железной преградой, и выстояла до конца. От него мы узнали о том, что больше половины моряков из бригады погибли в тех тяжелых сталинградских боях, что геройски погиб в Сталинграде и Петя...

ВСЕ минувшие годы, десятилетия я не мог позабыть моряков, их бригаду и Петю Бронштейна. Пять лет назад я вдруг почувствовал неодолимое желание во что бы то ни стало найти людей из этой бригады, узнать, что стало с ней после Сталинградской победы, узнать подробности гибели Пети Бронштейна и рассказать о нем людям. Но все мои попытки выйти на след бригады оканчивались неудачей: военкоматы не сохранили никаких сведений о формировавшейся на Урале из моряков-тихоокеанцев бригаде, ничего не было известно об этом факте в музеях. Не смогли помочь мне в данном вопросе и корреспонденты газет. Ничего утешительного не ответили на мои запросы и из Волгограда. Мне стало казаться, что все возможные каналы поиска уже исчерпаны, как неожиданно, через десяток людей, я вышел на того самого офицера из бригады, что лежал в нашем госпитале. Им оказался бывший командир второго батальона, теперь полковник в отставке Гордиенко Сергей Иванович. И вот получаю от него письмо: «Здравствуйте, глубокоуважаемый Леонид Васильевич! Итак, вы отыскали имею ли отношение к тем морякам? Да, имею, и самое прямое, потому что я как раз и есть тот командир, который привез на Урал 16 000 моряков-добровольцев...».

Оказывается, из этих шестнадцати тысяч моряков у нас на Урале были сформированы отдельные стрелковые бригады. Они прибыли под Сталинград в район Бекетовки 17 октября 1942 года и с ходу вступили в бой. За мужество и отвагу бойцов и командиров этих бригад во время Сталинградской битвы бригады были переименованы в гвардейские, и наша стала теперь именоваться 12-й гвардейской отдельной стрелковой бригадой. Войну она закончила в Болгарии уже как 92-я гвардейская стрелковая дивизия.

МАЛО осталось в живых из тех моряков, что пришли в Сталинград на защиту его с нашим уральским оружием, что гранитною глыбой встали на пути врага и выстояли, одержали над ним победу...

Свои воспоминания о Пете Бронштейне Сергей Иванович публиковал во фронтовой газете в 1943 году, в 1970 году—в городской Мелекесской газете «Знамя коммунизма», при нашей встрече рассказал мне. Он отлично помнит этого комсомольца, так как Петя Бронштейн служил, воевал и погиб в его втором батальоне Сергей Иванович лично руководил похоронами этого героя.

Петя Бронштейн был именно таким краснофлотцем, о которых говорят, что они «надраены до блеска». Он с изящной франтоватостью ношил бескозырку и в меру широкий клеш с ярмыми, тщательно отутюженными стрелками По натуре своей Петя был рожден романтиком и большим жизнелюбом. Он увлекался музыкой и играл почти на всех струнных инструментах, очень любил стихи, был всегда заводилой смеха и являлся штатным конферансье в самодеятельном коллективе. Он мог, не обидев, разыграть неадивого или же провинившегося. Его остроумные реплики и замечания могли вызвать бурный смех. Петя был любимцем не только батальона, но и всей бригады. На ленточке его бескозырки было написано: «Воздушные силы ТОФ». (Петя до этого служил телеграфистом в одной из авиачастей Тихоокеанского флота). Родился и был призван на флот он в Москве.

Бригада прибыла в Бекетовку (южная окраина Сталинграда) в самый разгар битвы за этот город. Фашисты стремились любой ценой завладеть Сталинградом к 7 ноября, к празднованию советским народом двадцать пятой годовщины Великого Октября продемонстрировать на центральной площади этого великого «покоренного» ими города свой дефиле. Им очень хотелось сломить советский народ не только силой, но и морально. И тут на их пути встала 93-я отдельная стрелковая бригада из моряков и уральцев, которыми пополнили ее при формировании. Восемь раз в течение дня пытался враг контратакой сбросить «черных чертей» с позиции, которую оборонял второй батальон Пети Бронштейна, но моряки не только стояли крепко, но и умелым маневром отбили у врага захваченную им ранее очень важную в стратегическом отношении господствующую высоту 95,5.

Титловцы были в ярости. На позиции второго батальона они обрушили огненный шквал минометов и артиллерии, их авиация нанесла по этим позициям сильнейший бомбовой удар. Особенно усердно обрабатывали они всеми видами оружия высоту. И казалось, что ничего живого не могло остаться на этом израненном, сожженном клочке земли. Но стоило врагу подняться в атаку, как моряки вновь встречали его дружным смертоносным огнем и даже сами порой переходили в контратаки...

ПРОВЕДЯ перед девятой атакой артиллерийскую и воздушную обработку позиций второго батальона, фашисты при поддержке пяти танков бросились на штурм высоты и этих позиций. Когда враг подошел достаточно близко и начало казаться, что сдержать его уже невозможно любым автоматным огнем, как неожиданно по нему резанул с правого фланга короткими очередями пулемет. Воспользовавшись этой поддержкой, моряки поднялись в контратаку и забросали вражеские танки гранатами.

Откатившись на свои прежние позиции, неприятель открыл по блиндажу, из которого стрелял пулемет, ураганный огонь. Пулемет замолчал. Когда немцы ринулись в очередную, десятую атаку, пулемет этот помог батальону отбить и этот напор неприятеля. Чувствовалось, как озверели в бессильной ярости фашисты. Им было приказано, видимо, к ночи любой ценой прорвать на этом участке оборону и вернуть отбитую у них высоту.

Потеряв немало живой силы в предыдущих атаках, фашисты решили уничтожить в первую очередь очень мешавший им блиндаж с пулеметом. Для этого около взвода немецких автоматчиков поползло к блиндажу, норовя охватить его в полукольцо.

С высоты и с позиций своих моряки видели неприятеля, разгадали его намерение, но помочь пулеметчику ничем не могли—мешали сильно пересеченная местность, непростреливаемые участки. И тут вдруг не выдержал Петя Бронштейн. Он насыпал в противогазную сумку патронов, взял свой и у лежащего с ним рядом соседа гранаты и, выскочив из траншеи, перебежками пробрался в овраг.

Петя подоспел вовремя на помощь пулеметчику. Когда фашисты вскочили и кинулись на штурм блиндажа, их встретил пулеметный огонь и огонь Петиного автомата. Враги опять залегли и начали подползать к блиндажу, стреляя по нему и кидая в его сторону гранаты. Этот бой был коротким, но жарким. Подступы к блиндажу были усыпаны трупами. Моряки видели, как немцы, наконец, овладели блиндажом. На позиции воцарилась мертвая тишина. Боевые товарищи Пети обнажили головы. В сердце каждого клокотала бессильная ярость... Стало тихо и жутко...

Тут из тыла подошло подкрепление, и комбат Гордиенко с пистолетом в руке вскочил на бруствер:

— За Петю, за моряков, за Сталинград и Родину—вперед!

Пулеметчик лежал в блиндаже у разбитого пулемета. Он был так изуродован миной, что узнать его не смогли. И только тельняшка свидетельствовала о том, что это был матрос из бригады. Неподалеку от него, раскинув руки, на дне траншеи лежал Петя. В правой руке он держал гранату— так и не удалось ему взорвать себя вместе с врагом. Его жизнь была оборвана угодившей в глаз пулей. Но не это ужаснуло бойцов и матросов, склонившихся над Петей с обнаженными головами — на его груди, исколотой штыками, зияла большая черная дыра. Фашисты вырвали из груди его сердце, а на том месте, где была грудь, лишь болтались клочья изорванной тельняшки.

В глубоком молчании товарищи собрали все, что еще можно было собрать от изрубленного сердца, последними каплями воды из своих фляг обмыли и вложили назад в грудь Пети Бронштейна, прикрыв тельняшкой...

Этот герой-комсомолец остался навечно лежать в сталинградской земле. Но люди не забыли его. Сергей Иванович разыскал после войны мать Пети и его родную сестру, помог его матери получить пенсию и орден сына. Благодаря стараниям этого командира, школа, в которой учился Петя, названа его именем и около нее стоит обелиск героя.

Сергей Иванович и сам был тяжело ранен в день генерального штурма фашистами Сталинградской твердыни 19 ноября в грудь тремя пулями, но, недолечившись в госпитале, попал на фронт, и 2-го февраля его вторично тяжело ранило опять же в грудь, и вот после этого ранения он оказался тогда в нашем госпитале.

Удивительна судьба этого великодушного человека. Войну он закончил командиром дивизии, имея одиннадцать ран! Уйдя в отставку, он работал преподавателем и заведующим кафедрой в Харьковском автодорожном институте. Подлечившись и окрепнув, он снова вернулся в армию и продолжал службу, но открылись его старые раны, и на этот раз ему пришлось окончательно проститься с армией.

Большое личное горе принесла война Сергею Ивановичу. Он долго искал оказавшуюся под оккупацией в городе Нежине свою семью, а когда узнал происшедшее с его близкими, не упал духом, смог взять себя в руки и найти себе место в жизни. Его семью, как выяснилось потом, выдала фашистам родная сестра, и те, положив на землю жену, детей, близких Сергея Ивановича, раздавили их гусеницами танков... А до этого свою семью Сергей Иванович искал почти десять лет.

ОКОНЧИВ Иркутский политехнический институт, полковник в отставке Гордиенко руководил многими крупными строительными организациями на Дальнем Востоке и в Забайкалье, даже начинал строить первую очередь БАМа, пока не ушел окончательно по возрасту и состоянию здоровья на пенсию...

Вот так дрались моряки-тихоокеанцы из сформированной на Урале 93-й отдельной стрелковой бригады.

И в день их первой встречи через тридцать пять лет на нашей уральской земле пожелаем ветеранам бывшей бригады здоровья, радости и настоящего личного счастья. Они этого заслужили. Ведь им выпала великая честь жить не только после победы за себя, но и за Петю Бронштейна, за всех тех их братишек, что остались навсегда в сталинградских блиндажах и на сталинградских высотах. Ведь им выпала каждому великая честь жить одному за сто боевых друзей, трудиться, не покладая рук, за всех не вернувшихся с войны однобригадцев

Л. ПЕЧЕНКИН.